

Вадим СИРОТКИН

г. Ульяновск

рассказ

Это не было любовью с первого взгляда. Ни со второго, ни с третьего. Всё пришло потом. Вот принесли мне этот красный крикливый комочек, а я ничего не почувствовала, кроме страха. Я осознала, что это мой сын: по его крохотным венам текла та же кровь, совсем недавно он дышал одним со мной воздухом и рос внутри моего тела, пока оно не стало для него слишком тесным. Можно взять его на руки, покормить грудью, дать имя, баюкать, гладить — делать всё то, что я привыкла проигрывать в мыслях, пока мой полувоображаемый сын прятался под куполом плоти. Нам ещё предстояло узнать друг друга. Только когда я его увидела, мне совершенно ничего не хотелось, кроме покоя, одиночества и возможности повернуть время вспять до точки, где я ещё стояла на пороге выбора — рожать или нет.

Я выбрала первое. Почему? Материнство ведь никогда не было моей целью, и уж точно я не хотела растить ребёнка одна буквально в начале своего пути. И всё же внутри что-то предательски дрогнуло, когда я стояла у регистратуры и заполняла согласие на прерывание беременности.

Может, сын понимал, что его может скоро не стать?

Глупости. Чему там было понимать: он ведь тогда мог поместиться в ладони... Он уже мог поместиться в ладони. Маленький и беспомощный человек с собственной судьбой, которая в тот момент целиком и полностью зависела от моего решения. Не болезнь, которую нужно лечить, а сама жизнь в крохотном её проявлении. И она зародилась во мне. Разве я могла самолично ею распорядиться? Я вышла из больницы в слезах, так и не дойдя до кабинета врача.

Мама встретила меня дома скупым одобри-

тельным кивком. Наверное, в тот момент она мной гордилась.

Я понимала, что скоро выписка и мы поедем домой. Вместе. Этот миг становился всё ближе, как бы мне ни хотелось от него ускользнуть. Всё, кроме меня, было готово к пополнению: кровать, коляска, пелёнки, голубые обои с мишками. Я сама всё разрушила: так и не начавшуюся карьеру преподавателя столичной консерватории, куда меня пригласили весной; возможность завести полноценную семью с любящим и любимым мужчиной; шанс стать известной пианисткой и выбраться из круга провинциального существования. Вся моя жизнь замкнулась на маленьком плачущем человеке, который нуждался во мне гораздо сильнее, чем я в нём. С каждой проведённой вместе с сыном минутой я находила всё больше причин отказаться от него: таких носов ни у кого в семье не было, ушей — тоже. Глаза вообще тёмные. Худой — одна голова.

Я представляла его совершенно иначе. Может, его подменили в роддоме? Где тогда мой сын? Может, я вообще не рожала? Нет, он кричал. Почему он всё время плачет? Он голоден? Так громко... Вдруг у него что-то болит? Мне тоже хотелось плакать вместе с ним от беспомощности. Только это нас с ним и связывало, чужих друг для друга и бесконечно одиноких.

Когда я поделилась своими чувствами с мамой в надежде найти понимание, она назвала меня кукушкой. Презрительно так назвала, словно в тот момент я перестала быть для неё человеком. До сих пор помню. Но я ведь не бросила сына. Иногда мне даже снится её тяжёлый разочарованный взгляд. Эта бесконечная боль в глазах за поражение в материнстве... Уверена, сейчас она смотрит на меня так же в каком-то из миров.

А что я могла? Конечно, мне было страшно растить ребёнка на зарплату школьной учительницы музыки, когда на горизонте была совершенно другая жизнь, от которой мне пришлось отказаться.

Его папаша исчез ещё до того, как узнал, что оставил мне не только приятные воспоминания о нашем коротком, но головокружительном романе. У нас было красивое начало: спонтанные цветы, дорогие подарки, рестораны, путешествия... Он ничего не требовал взамен своих ухаживаний в отличие от всех, кто был до него. Кругозор папаши простирался от ремонта смесителя на кухне до техники игры сложнейших произведений. Красиво сложенный, ухоженный и галантный мужчина... Разве это не судьба? Маме он сразу не понравился. Мы с ней ссорились на этой почве. Я обвиняла её в том, что она не желает мне счастья, а она меня — в том, что я не вижу суть его интереса за прочей мишурой.

Моя мать всегда была одна. Она была сильной женщиной, несмотря на внешнюю хрупкость, которая с годами становилась всё более очевидной. Гордая и бесстрашная женщина, которая скорее нападёт первая, чем подставится для чьего бы то ни было удара. А я всегда была трусихой и боялась остаться одна. Я сама остро нуждалась в маме и совершенно не была готова ею стать. Мама никого ни о чём не просила, ни на что не жаловалась и никогда не плакала в отличие от меня. Она и мне запрещала демонстрировать слабость с самого детства. Иногда доходило до ремня, от которого я тайно рыдала в подушку до тех пор, пока слёзы не кончатся. Мама всегда была скупа на проявления нежности.

Интересно, она когда-нибудь чувствовала себя одинокой? В моей памяти о ней отложились только поджатые губы, ямочка между хмурых бровей и постоянные упрёки. Она всегда была честна перед собой и другими, как бы дорого это ни обходилось ей самой. Вся мамина жизнь была историей одиночной борьбы с миром, всегда завершавшейся ничьей до самой её смерти — даже та забрала маму только с третьей попытки.

Нос не мой и уши. Глаза вообще тёмные! Папаша оставил мне живое и оттого особен-

но болезненное напоминание о себе. Те же взгляд, улыбка, привычки и жесты, пусть ребёнок и не мог об этом знать. То же вечное стремление сочетать несочетаемое. Даже родинка на груди будто скопирована! Но самое страшное — безупречный слух. Им его отец и покори́л меня когда-то.

Мне всегда было интересно увидеть сына взрослым. Эти фантазии пугали и завораживали одновременно. С одной стороны, я представляла его образованным, харизматичным и смелым мужчиной, заставляющим весь мир расстилаться перед одной его улыбкой. С другой — очень боялась, что он, подобно отцу, тоже будет обречён изящно разбивать одну судьбу за другой, даже не подозревая об этом, как однажды была разбита моя.

Сколько его братиков и сестричек сейчас заедают манную кашу колбасой и мечтают стать музыкантами?..

Однажды я всё-таки решилась позвонить ничего не подозревавшему папаше. Я отпустила его ещё до появления ребёнка, ведь мне он был нужен не больше, чем я ему. Это было сделано ради сына, даже волосы которого струились такой же иссиня-чёрной волной. Сыну был необходим отец.

Мама не знала о моём намерении. Я старалась быть сильной, как она меня учила: ничего не проси, ни перед кем не унижайся, не полагайся ни на кого, кроме себя. Будь сильной, иначе окажешься под чьей-то подошвой. Я пыталась быть выше собственных желаний, в круг которых контакт с папашей едва ли входил. В этом и крылось наше с мамой главное отличие: она делала то, что хотела, а я — что должна. У меня ведь всё-таки был отец, пусть мама выгнала его, когда я была маленькой, и всячески старалась от него оградить. Несмотря на это, он водил меня в кафе на день рождения и Новый год, угощал мороженым, отвозил к бабушке, когда маму не отпускали с работы. Я не хотела, чтобы мой сын был лишён даже этого. Это ведь эгоистично: лишать ребёнка папы из-за нашей с ним истории. Я не хотела кормить его сказками про капусту и айс-

та: большие разочарования начинаются с маленькой лжи.

Папаша узнал меня не сразу. Предложил встретиться у него. Я сказала, что приду не одна и что игристое будет лишним. «...Абсент тоже боже упаси... Давай в этот раз без коктейлей Лотрека, хорошо? Кто моя подруга? Это друг. Узнаешь... Не переживай ты так: он тебе понравится. Нет, я никого не нашла. Нет. Это наш общий маленький друг», — сказала я, пытаясь быть сдержанной. Папаша бросил трубку. Больше я никогда ему не звонила. От него тоже не было звонков. Как объяснить маленькому ребёнку, что он не нужен собственному отцу? Мне хотелось оградить его от этой правды; защитить от всего: заслонить собой, точно живым щитом, от всех опасностей и боли равнодушного мира.

Я была готова принять удар разочарования в полном объёме, но мама со мной не согласилась.

— ...Значит, его отец умер, спасая старушку или котёнка из горящего дома, — сказала она, сделав короткую затяжку.

Дым вился под потолком нашей маленькой кухни.

— Слишком мрачно для ребёнка. Тебе так не кажется? Перестань курить дома: мы теперь не одни, помнишь? — устало произнесла я, кивнув в сторону спальни сына.

— Ну скажи ему, что его любящий папочка в экспедиции на Северном полюсе. Почему нет? И не учи меня жить в собственном доме. Всю жизнь курила и бросать из-за вас не собираюсь. Если что-то не нравится, уходите к папашке. Уверена, он обрадуется счастливому воссоединению, — угрюмо ответила мама, но всё же потушила сигарету о только что вымытую чашку.

— В таком случае придётся сочинять ему письма и ждать звонков, — ответила я, проигнорировав остальное.

— Отправь его «в космос». Пусть сидит в своей ракете и смотрит на звёзды. Вот и объяснение, почему он не звонит и не пишет.

— «...Папа обязательно вернётся и привезёт подарок, если будешь слушаться маму и бабушку», — примерила я нашу новую «правду».

— Видишь, как просто? — довольно произнесла мама и потянулась за новой сигаретой.

Я даже сама поверила в сказку о папе-космонавте и каждый август вместе с сыном ждала возвращения его выдуманного отца — покорителя падающих звёзд и детских фантазий. Где все эти годы был настоящий, я не знаю и, если честно, не хочу знать. Всё пришло именно тогда.

Сын рос очень любопытным ребёнком. Он впитывал мир каждой клеткой кожи и мучил меня непрекращавшимися вопросами. Мам, а почему ночью темно? Мам, а почему есть холодильник, но нет горячильника? А папа видит нас из космоса? Мама!.. Мам!.. Стоило мне дать ответ на один из вопросов, как на его место вставал новый, а некоторые меня само ставили в ступор.

Конечно, я срывалась. Разумеется, он плакал и замолкал, но всегда ненадолго: в силу возраста он не умел долго обижаться. Хотя однажды он даже собрал все свои игрушки в рюкзачок и направился ко входной двери после очередной моей резкости. Конечно, он не решился перейти порог и вернулся обратно в комнату, но молчал выразительно до самого утра. Помнил он эту историю гораздо дольше. Меня душила его невинная навязчивость: за его голосом я перестала слышать собственный.

Однажды по дороге домой из детского сада он спросил меня, почему у девочек «всё» не так, как у мальчиков. Я не была готова к такому вопросу от четырёхлетнего ребёнка. Но, видимо, на то он и мальчик, чтобы задавать именно такие вопросы. Сына не устроил мой простой и честный ответ о разнице в анатомическом строении, и он повторил этот же вопрос бабушке. Её взгляд был красноречивее любых слов, но она всё равно не смогла промолчать. «Что, мамка показала? Мамка может. Дядя Витя уже видел, наверное. Ты у него лучше спроси», — сказала она с ехидством в голосе, прячась за непринуждённым выражением лица.

Бабушка, которую я с годами отвыкла называть мамой, не изменяла себе, даже когда

болезнь приковала её к дивану намертво. Мы не разговаривали неделю после этой истории. Я молча приходила в её комнату со шприцем, а она молча поворачивалась на спину, еле слышно шипела от боли, но не проронила ни слова: мама не могла позволить себе проиграть.

Так в нашем доме появились детские энциклопедии на любой вкус и, главное, вопрос. А дядя Витя перестал к нам приходить. Я вовсе не расстроилась и просто в очередной раз убедилась, что у мужчин только два состояния: детство и смерть, даже если снаружи они очень важные и солидные люди.

Раньше я думала, что плохие матери не могут стать хорошими бабушками, пока лично не убедилась в обратном. Сказки перед сном, поделки в садик и, главное, смех над любой оплошностью сына. Если он плакал, она его успокаивала. Оказывается, мама это умела. Она всегда повторяла, что мужчины — нежные создания и с годами становятся только нежнее. Сын получил от бабушки то, что никогда не получала я от собственной матери. А это ведь одна и та же женщина, пусть в это порой невозможно поверить. Мать, на которую я никогда не хотела равняться, заменила сыну меня.

Когда ему исполнилось пятнадцать лет, мама действительно умирала в третий и последний раз. Тогда она впервые призналась в своём страхе оставить нас без присмотра. Она впервые сказала, что любит нас. Говорила и плакала, будто на исповеди. И я плакала вместе с ней. Утром я поняла, что мама больше не проснётся. Сын что-то спрашивал у меня шёпотом, боясь её разбудить, но я не слышала. Я была оглушена, ослеплена и абсолютно дезориентирована.

Сын становился всё более замкнутым и агрессивным после ухода бабушки и всё чаще интересовался, когда вернётся отец. Думаю, он сам догадывался, что никакого папы нет, но боялся себе в этом признаться. А я ничего не могла ему сказать. «Скоро», — только и повторяла, а сама думала, как же преподнести сыну правду. Ему ведь было одиноко со мной, я

понимаю: с утра до ночи на работе, потом уборка, стирка и короткий сон, не спасающий от усталости. И так ежедневно. Каждый месяц увеличивал пропасть между нами на годы. Может, переходный возраст тоже сыграл свою роль или что-то другое, но наши отношения в конце концов вернулись к отправной точке.

И я совсем одичала в рутине нескончаемых забот. Вот вернусь домой после работы с тяжёлыми сумками, а он даже не подумает встретить. Так и будет лежать или вытащит что-нибудь из пакета и вернётся обратно к себе. «Ты не просила», — невозмутимо повторял сын раз за разом, но просить было бесполезно: всё равно ничего не менялось. Посуда оставалась по-прежнему грязной, постель — мятой, а на балконе стоял запах курува. Он, кажется, не понимал, что мы остались совсем одни и помочь нам попросту некому. У нас самих ничего не получалось. Мне же хотелось только покоя.

Я понимаю, что была нужна сыну в то непростое время, но мне, кажется, не был нужен никто. Только на маме держалась наша общая уверенность в завтрашнем дне и наличии тверди под ногами, даже если под ними было настоящее болото. Словно она единственная из нас знала какой-то секрет, благодаря которому жизнь становилась понятнее и проще. Мир без неё будто лишился цвета, звучания и, главное, смысла. Мамы больше нет. Никто не кричит на меня вечерами, не просит сделать укол, не отчитывает за очередного ухажёра. Тихо и пусто. После неё мне остались маленькая хрущёвка и пачка сигарет. А ещё лекарства, которые я по-прежнему не решаюсь выбросить, ветхая библиотека и огромные долги. Собранных денег не хватило на то, чтобы победить смерть. После мамы мне остался только страх перед будущим.

Наша жизнь бесповоротно изменилась. Я стала давать частные уроки допоздна, чтобы в холодильнике было молоко, а в хлебнице — кирпичик белого хлеба или батон. Брала за уроки немного, чтобы ученики не разбежались. Денег всё равно не хватало. На дом и сына у меня не оставалось уже ни времени, ни

сил. Постепенно я стала забывать, зачем это нужно. Жила в автоматическом режиме, забыв всё, что было некогда важно. О личной жизни даже не приходилось заикаться. Конечно, я пыталась какое-то время найти человека, который мог бы стать мне опорой, но, увы, никто не хотел становиться опорой для двоих.

Сын злился на меня за холодность, занятость и частые срывы. Он презирал меня за то, что я запрещала ему гулять допоздна, пусть я и делала это для его же блага, — оставался у друзей с ночевкой. Я хотела, чтобы сын не повторил моих ошибок и многого достиг в жизни. Постепенно он вовсе перестал меня в неё пускать, ускользая всё дальше. И вот снова мы стали чужими друг для друга.

Я возненавидела музыку: все эти ноты, струны и чёрно-белые клавиши, забравшие всю меня без остатка. А ведь раньше я любила играть... Жить не могла без извлечения звука пальцами, в которых у пианиста прячется душа. Садилась вечерами за фортепиано и исполняла какой-нибудь этюд под вопли мамы о том, что за моим «бренчанием» она не услышала, что Летисия сказала Рамиро. Мы ссорились на этой почве, и мама даже грозила отдать фортепиано первому желающему, когда меня не будет дома. Я, в свою очередь, обещала выбросить телевизор прямо в окно при ней же. Соседи несколько раз вызывали милицию в страхе, что мы друг друга убьём или как минимум покалечим. Неделями обижались друг на друга, молчали, избегали встреч в общих пространствах квартиры. Но стоило нам случайно оказаться вместе на кухне, всё забывалось до нового столкновения, которое не заставляло себя долго ждать. Не дом, а цирк на гастролях.

И всё же какими счастливыми мы были в те спокойные и беззаботные времена до маминной болезни, встречи с папашей и рождения сына! С ними в клавишах поселилась смерть.

Сын плохо учился и вообще рос сорняком. Таким же диким и устойчивым к любой борьбе с ним: стоило выкорчевать что-то одно, тут же появлялось новое, ещё более губительное. А я устала бороться. Я не справля-

лась ни лаской, ни уговорами, ни даже угрозами. Наверное, я плохая мать. Из тихого мальчика сын превратился в самого настоящего зверя. И чем старше становился он, тем сильнее его боялась я. Мне было больно и страшно наблюдать, как из улыбчивого карапуза он превращается в угрюмого подростка. В шестнадцать лет он мог прийти домой пьяным под утро, а в школе вовсе делал вид, что мы незнакомы, если каким-то чудом соизволял в неё прийти. Сколько я всего выслушала от других учителей...

Однажды сын кинул в меня кружку, когда я пыталась не пустить его на очередную ночную вылазку. Он всё равно ушёл той ночью, а я плакала навзрыд и собирала осколки. Однажды я ударила его ладонью по лицу и сжала руку в кулак для следующего столкновения. Сломать ему нос, выбить зубы, убить: мне хотелось, чтобы он испытал хотя бы часть моей ежедневной боли. Чтобы он никогда больше не смел на меня замахнуться. Но когда я посмотрела в его слезящиеся глаза, на ещё по-детски припухлую ладонь, прислонённую к обожжённой моим ударом щеке, я поняла, что совершила ошибку.

В те кошмарные дни я почти не спала, мало ела и много плакала от бессилия. Что я делала неправильно? Этот вопрос преследовал меня ежедневно, как бы я ни старалась стать лучше для сына. Мне ведь просто хотелось жить полной и насыщенной жизнью, какая у меня была до него и какую я каждый вечер проживала в мечтах перед сном.

До появления сына я упрямо «давила на газ», словно каждый день — последний: беспamięтно любила и бескомпромиссно ненавидела; искала, пробовала, шла на риск, звонко смеялась до слёз и плакала до истерического смеха. Я ввязывалась в авантюры и всегда проходила сквозь них с музыкой. Куда всё это делось? Груз материнства тянул меня на самое дно. Здравствуй, милая матушка. Я наконец-то тебя поняла. Не думала, что это когда-нибудь произойдёт.

Если вывеска в кабинете школьного психолога права и ребёнок действительно является

зеркалом семьи, то мой сын был кривым зеркалом. Он не стал музыкантом вопреки своей детской мечте. И если поначалу он ещё мог заниматься хотя бы два раза в неделю, то потом он узнал правду о своём отце. Лучше бы он так и оставался в своём космосе. С того дня музыка ушла из нашего дома навсегда.

Я сама виновата. Нельзя же было врать ему вечно об отце-космонавте! Рано или поздно он должен был узнать, что на самом деле спрятано за сказкой о любящем папе, который шестнадцать лет всё никак не может вернуться домой. Я много раз воображала себе сцену, где говорю сыну правду о том, почему отца с нами нет. Ни в одной из таких фантазий, какими бы драматичными они ни были, сын не узнавал правду от посторонних. Да ещё так глупо! «Если бы мы с тобой продолжили заниматься, ты играл бы сейчас лучше отца». У меня в голове не укладывалось, что кто-то смог присвоить себе право на раскрытие чужой тайны. А зря. Давно пора было понять, что правила существуют для таких наивных людей, как я. Кто-то же должен в этом мире проигрывать?

— ...Мам, давай пойдём завтра в филармонию? Мы так давно никуда не выбирались вдвоём, — непринуждённо предложил мне сын после занятий, пока я мыла окна.

— С каких пор тебе снова интересна музыка? — безразлично спросила я, ни о чём не догадываясь. — В любом случае у меня завтра уроки. Не до концертов сейчас.

— У тебя уроки до трёх, а концерт начинается в шесть. Пойдём, — он продолжал мягко напирать и взял меня за руки, будто мы уже опаздывали.

— Мне ещё ужин надо будет приготовить и стирку запустить. Я тоже хочу отдохнуть. Я ведь не семижильная, — отмахнулась я.

— Вот и отдохнёшь как раз! Хочешь, я всё приготовлю, пока ты будешь заниматься? Машинку тоже я могу запустить. Ты только покажи мне, как это сделать. Там будет твой любимый второй концерт для фортепиано с оркестром, — быстро, точно скороговоркой, произнёс он, пока его руки больно сжимали мои.

— Не хочу. Давай как-нибудь в другой раз, — сказала я, безуспешно пытаясь освободиться: его хватка была крепкой.

— Почему? Познакомишь меня заодно с папой. Он, кажется, давно вернулся на Землю. Ты разве не знала? — с этими словами сын разжал ладони.

Его глаза были полны слёз. Мои руки продолжали болеть.

Я помню, как сын впервые сел за фортепиано и довёл бабушку до истерики беспорядочными ударами по клавишам. Форте! Форте! Фортиссимо! Я оттащила его от инструмента и запретила к нему прикасаться вопреки слезам и капризам.

Я всегда старалась воспитать его так, чтобы у них с папашей было как можно меньше общего. Солёное — с солёным, сладкое — со сладким. Стрижка — короткая; музыка — чтобы слушать. Пусть мечтает стать кем угодно, но только не музыкантом. Космический папа всегда помогал мне в этом. Никаких ранних влюблённостей, походов в филармонию и галстуков-бабочек. Вместо нотных тетрадей — карта звёздного неба.

В те мгновения у меня всё сжалось внутри: что бы я ни делала, он всё равно становился уменьшенной копией отца, с каждым днём всё больше походившей на оригинал. Он ведь хотел научиться играть, следуя моему примеру, чтобы стать музыкантом, как мама, а не как папа, слушавший исключительно музыку сфер. В тот же день мы начали вместе играть гаммы, чем заставили бабушку оторваться от сериалов и выйти на прогулку. Она так ничего и не поняла. Это был наш первый настоящий урок.

«Папа» всегда был для сына незримым примером для подражания, видящим все его успехи и неудачи с высоты пустынной кузницы дней и времён года. Даже я в один момент перестала чувствовать себя одинокой под строгим и любящим взглядом собственной выдумки. Он всегда был для меня разным. Это мог быть молодой отец, каким я его помню, или, например, какой-нибудь телеведущий или даже сам папаша из прекрасных и роман-

тических дней, когда мы только с ним познакомились. В некотором смысле этот исследователь звёзд был и моим папой, на которого я могла опереться, когда больше не на кого. Надёжное призрачное плечо, так порой недостающее в жизни. По ночам я разговаривала с ним, просила помощи или совета через потолок и тысячи тысяч километров за ним. Втайне от всех я писала ему письма, которые отправляла потом космической почтой через нижний ящик письменного стола. Я ощущала его любовь и поддержку, нужные мне не меньше, чем сыну. Может быть, даже больше.

А в тот день «папа» умер для нас обоих. Сгорел без следа в атмосфере чужой глупости и моего обмана. Наш папа перестал существовать. Весь мир, который я знала, за одну минуту стал чужим и незнакомым. В нём больше не было для меня места.

Я до сих пор помню в деталях каждое мгновение того дня, когда моя жизнь навсегда изменилась. Стояла холодная осень, и в неотапливаемом классе было немногим теплее, чем за окном. Под этим предлогом я отпустила ученика пораньше и решила перед возвращением домой зайти в магазин, чтобы купить конфет к чаю. Сама я их не люблю, а сын не мог прожить без них даже дня. Внезапно я купила торт: как-то само собой получилось. И вот иду я домой с тортом без повода и непривычно пухлым пакетом конфет в руках и думаю о том, что скоро всё наладится. Нам ведь не нужен придуманный папа, чтобы в это поверить. Мы можем снова стать настоящей семьёй. Мы всё преодолеем: скоро я закрою оставшиеся долги, сын поступит в университет на экономический, раз с музыкой ничего не вышло. Вместе мы справимся. Я шла по подъезду и напевала что-то себе под нос, искала ключ, повернула его в замке, открыла дверь, а там...

А там семнадцать лет материнства закончились для меня безвозвратно. Я вышла обратно на улицу с тортом без повода и непривычно пухлым пакетом конфет в руках, не прекращая напевать глупый мотив, прище-

пившийся ко мне ещё утром. Села на лавочку. Тогда я подумала, что всё мне просто показалось: переутомление, недосып, ежедневный стресс. Мало ли?.. Мама, например, видела деда в комнате, когда у неё была бессонница из-за таблеток. Разумеется, это не может быть правдой. Одетый, сытый, здоровый парень. Не била (один раз — не считается), из дома не выгоняла (если уходил, то исключительно сам). Разве в моей семье могло произойти такое? Конечно, нет. Глупости. В реальной жизни детям свойственно переживать своих родителей. Так ведь? Так ведь?.. Так?..

Внутренний голос растерянно молчал. У него не было ответов. Соседка спросила с балкона, почему я не захожу домой. Действительно, чего это я расселась? «Сейчас зайду, Любовь Степановна, уже поднимаюсь: у меня просто сын в зале повесился. Сейчас он слезет, и я зайду. Вот конфетки купила, тортик к чаю: решила его порадовать. Надеюсь, понравится. Как ваше здоровье, Любовь Степановна? Давно вас не видела. Заходите в гости», — непринуждённо ответила я и с той же улыбкой провалилась в туман.

Помню, я не могла перестать напевать ту идиотскую мелодию даже под капельницей.

Интересно, можно ли вообще перестать быть матерью? Вот растишь семнадцать лет сына, помнишь его первое слово в год и десять месяцев, покупаешь цветы для первой учительницы, даришь первую бритву, обсуждаешь с другими родителями предстоящий выпускной на школьных собраниях, а потом ты уже ни для кого не мама. Просто одинокая женщина с проседью и морщинами. Ни семьи, ни детей. Только память о прошлом, в котором всё это было. Жизнь снова поделилась на ноль. Я осталась одна. Да, раньше я мечтала бросить всё и начать строить жизнь, которую мне обещали когда-то: уехать в Москву и строить большую карьеру, завести полноценную семью, стать большим человеком. Сейчас это всё кажется таким незначительным, бессмысленным, глупым... Без сына мне ничего из этого не нужно.

Дело закрыли. Я невиновна. Признана потерпевшей. Почему мне не легче? Потому что мне осталось только терпеть. Помню, как неудобно было перед Любовью Степановной и Петром Сергеевичем, вызванными в качестве понятых во время их любимой телепередачи. Помню мешки с вещами сына для детского дома, в который когда-то я хотела отдать его самого, и могилку рядом с маминкой. Помню бесчисленные свечи, запах ладана. Кажется, были люди.

Долгое время я заходила в квартиру с привычным «я дома», оповещая равнодушные стены о своём возвращении, ходила на родительские собрания, раз в неделю меняла постельное бельё на его кровати. Разговаривала с ним, будто он рядом. Иногда мне даже казалось, что сын отвечал.

Я постепенно погружалась во мрак. В попытках прервать молчание я исследовала каждый сантиметр его комнаты. Шкаф, тумбочка, ящики письменного стола, карманы одежды. Даже матрас подняла в отчаянной надежде найти там хоть что-то, но комната упорно молчала. Неужели я не заслужила ни слова?

...Утром перед уходом сына мы с ним снова поссорились из-за какой-то ерунды: то ли он снова попросил у меня денег на новые кроссовки, потому что старые потерялись в школьной раздевалке, то ли он не сделал домашнего задание по физике. Тогда я в очередной раз пригрозила сыну детдомом, на что он заявил о намерении уйти жить к отцу.

— И ты меня больше никогда не увидишь! — кричал он, и его голос гулким эхом отражался от пустых стен.

— Думаешь, ты ему нужен? Могу дать номер, если хочешь. Только не обольщайся, что он тебе ответит! — таким же криком ответила я.

— К Ваньку уеду, — уже не так уверенно сказал сын.

— Если деньги есть — вперёд, — спокойно произнесла я с полуулыбкой.

Тут он попался.

— Тогда я просто уйду! Насовсем! Тебе от этого только лучше будет!

— Ты напугать меня решил? Вперёд. Мы уже не раз с тобой это проходили. Есть захочешь — вернёшься.

— В этот раз не вернусь! — на его глазах заблестели слёзы беспомощного гнева.

— Даже интересно, куда ты собрался теперь? — я засмеялась.

— Туда, где меня любят! — в его голосе пряталась неуверенность.

— Уйдёт он... Да кому ты вообще нужен? — продолжала напирать я в надежде, что он вернётся в свою комнату.

— Не твоё дело, — ответил сын почти шёпотом.

— Ладно. Ты мальчик взрослый: иди куда хочешь. Я тебя не держу.

Я вышла из комнаты, завершив тем самым наш разговор.

Он был нужен мне, пусть я так и не сказала ему об этом. Это нуждается в подтверждении? Разве я не доказала на деле, что люблю его больше жизни? Моё красноречие проявлялось только в музыке, которая последние годы продолжала звучать только для того, чтобы сын ни в чём не нуждался.

Наверное, ему досталась плохая мать: без денег, связей и влияния. Но и от этого я осознанно отказалась только в его пользу. Музыка всегда была той невидимой пуповиной, связывавшей нас при отсутствии других точек соприкосновения.

Ещё с пелёнок единственным верным способом заставить сына успокоиться была колыбельная. Та самая, про сверчка, поющего за печкой, которую мне самой пела мама. Он не засыпал от неё, как все нормальные дети, а затихал и смотрел на меня серьёзным профессорским взглядом, будто пытаюсь уличить в фальши. До трёх лет просил её петь.

Тогда все мои сомнения были разрешены в неполное тоническое трезвучие с утроенной примой: мой. Папаша никогда не воспринимал детскую музыку всерьёз. И не имеет никакого значения, что таких носов и ушей ни у кого в семье не было. Мой сын. Только мой.

Я ведь не плакала ни в дверях, когда увидела сына, ни на его похоронах, ни после. Словно он всегда был где-то рядом: пошёл на кухню, вышел в магазин или ещё куда-нибудь. Он скоро вернётся. Нужно просто подождать: он может в любой момент возникнуть в дверном проёме и, например, попросить денег на сигареты под видом очередной экскурсии. И пусть. Лишь бы только вернулся. Он ведь всегда возвращается! Он ведь всегда возвращается, правда? Он ведь всегда...

Я постоянно заставляла себя думать, что сын однажды откроет дверь, улыбнётся своей широкой диковатой улыбкой и уверенно пройдёт на кухню, чтобы рассказать о том, где и почему так долго пропадал. Я налью ему чаю и буду слушать. И всё будет хорошо. Лучше прежнего.

Помню, когда у нас была дача, сын ловил ящериц в траве и приносил показать, а я, смеясь, убегала от него и просила их отпустить. Мы играли в четыре руки вечерами, лепили снеговика с носом из колбасы, которую мама купила к новогоднему столу. Она так смешно возмущалась. Тогда мы были по-настоящему счастливы.

Первые месяцы после похорон я искала возможные причины поступка сына, но не находила их. Не могла отыскать для него оправдания. Почему? Что должно было произойти с сыном, в сравнении с чем сделанный выбор показался ему меньшим из зол? Что и, главное, когда я упустила? Он ведь не мог уйти без причины. Всему должны быть объяснения, и я знаю, чувствую, что они есть. Только где?

В один момент я смирилась с молчанием. Перестала оповещать равнодушные стены о своём возвращении, ходить на родительские собрания, менять постельное бельё на кровати сына. Даже заходить в неё перестала, хотя раньше практически жила в ней. Мне казалось, тогда я начала лучше понимать его, чем поначалу, когда меня переполняли злость, обида и непонимание.

Он ведь тоже чувствовал себя окружённым барьерами закрытых дверей и леденящего одиночества в тот момент. О чём же он всё-таки думал? Скоро сама всё узнаю.

Я приготовила пачку снотворного на прикроватной тумбочке и пошла в комнату сына за магнитофоном. Решила поставить музыку перед сном. Я взяла его вместе с кассетами в охапку и вернулась в спальню.

Открыв приёмник, я обнаружила в нём незнакомый сборник. Нашла подкассетник, открыла его и удивилась вложенному в него тетрадному листу. Я доверчиво развернула его, а там было то, что я когда-то отчаянно пыталась найти, но не была готова увидеть. Листочек сплошь был исписан почерком сына. Та же «ф» как разделённая посередине бесконечность, «т» как косо перечёркнутая римская «три», заглавная «в» с развевающимся флагом в начале.

Это он. Я поняла с первых букв. Я сама научила сына выводить их. Научила ходить, говорить, играть. Ради него я жила. Делала всё для его здоровья, успеха и счастья по мере

сил. А кто я теперь, мне кто-нибудь скажет?

В конце записки была колыбельная, которую я пела ему в детстве. Та самая — про сверчка. Мне кажется, я даже слышу далёкий голос сына и вторю ему сипло от слёз:

- За печкою поёт сверчок...
- Угомонись, не плачь, сынок...
- Вон за окном морозная...
- Ясная ночка звёздная...
- Ясная ночка...
- Звёздная...

Вадим Олегович СИРОТКИН

родился в городе Новоульяновске.

Окончил Ульяновский государственный университет

по направлению подготовки «юриспруденция».

Лауреат II степени XI Международного конкурса

короткого рассказа «Сестра таланта» (2024).

Лауреат II степени XIV Всероссийского

литературного конкурса-фестиваля «Хрустальный родник».

Вошёл в шорт-лист конкурса новой драматургии «Ремарка».

Финалист литературного конкурса

«Северная звезда» (2024) в номинации «Проза».

В журнале «Север» публикуется впервые.

